

801

# Баллады и

# ПЕСНИ

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

С 29

О Г И З  
ГОСЛИТИЗДАТ  
1943



*Илья Сельвинский*

**Б А Л Л А Д Ы  
И П Е С Н И**

**О Г Н Ъ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
М О С К В А 1 9 4 3**

*162/12*

## СТАЛИН У МИКРОФОНА

И вновь мы услышали голос,  
Любимый голос вождя...  
И снова пред нами, как глобус,  
Названьями точек звуча,  
Туманность проблем и вопросов,  
Круживших

умами

давно,

Вращается ясно и просто:  
Все названо и учтено.

И вновь

та великая

сила,

Что море

тянет

к луне,

В народе моем заходила,  
Отдавшись волною во мне.

Пусть в воздухе — грохот стали!

Пусть яды ползут в тиши...

Мы всюду

с тобою,

Сталин,

Всей силой нашей души!

Твой голос плывет по крышам...

По тучам...

(А даль светла!)

В любом твоём слове мы слышим

Зовущий

клекот

орла.

## ПАМЯТКА КРАСНОАРМЕЙЦА

Красный боец привык  
Слышать орудий рык,  
Видеть военный дым,  
Быть от него седым.  
Если, встретясь с тобой,  
Воет огня гряда —  
Боем ответь на бой!  
Помни

это  
всегда.

Красный боец привык  
Зря не тревожить штык.  
Не баловаться зря,  
Просту говоря.  
Если трубач воззвал  
Или напала орда,  
Бей, — но уж наповал!  
Помни

это  
всегда.

Красный боец привык  
Держать за зубами язык.  
Если попал в оборот  
И офицер орет:  
«Стреляю со счетом — три!» —  
Не лепечи, как вода...  
Умри, но не говори!  
Помни

это  
всегда.

1941

## Т Ы Л Ы В О Ю Ю Т

Чем крепче тыл, тем крепче фронт,  
А штатских  
людей  
нет!

Если восходит наш горизонт  
Знаменами наших побед,  
То это значит, что ты и я,  
И каждый из нас овладел

Деломковки, деломлитья  
И тысячьо всяких дел.

Идет в атаку Иван Серов  
За родину свою.  
Но сколько невидимых мастеров  
Его окружают в бою!  
И тот, кто штык ему отливал,  
Кто шил сапоги; и тот,  
Кто в звонкой песне его призывал:  
«Красноармеец, вперед!»

Иван Серов атакует редут.  
Навстречу выскочил враг.  
Две марки стали схватились тут,  
Тут смертью становится брак!  
Тут винт с винтом — лицом к лицу,  
С гвоздем сражается гвоздь —  
Литейщик здесь помогает бойцу  
Пронзить врага насквозь.

Но вот фашиста Серов одолел.  
Слава ему! Ура!  
Но славьтесь и вы, незаметных дел  
Воинственные мастера!  
И ты, разливавший металл. И ты,  
Строгавший для ружей стволы.  
Войну  
ведут  
не только  
фронты —  
За ними — воюют тылы.

1941

Москва

### ПЕСНЯ О ЧАПАЕВЕ

Запоем-ка песню, песню золотую  
Про Василь Иваныча, комбрига своего,  
Про коня да шашку, блеском залитую,  
Да еще  
про молодую  
конницу его. Эх!



## МАРШ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Шумят побуревшее знамя —  
Порывы его горячи!  
Военная песня над нами,  
Привычные с нами грачи.

Что нужно еще на походе?  
Не птицы ли, песня да стяг?  
При самой ненастной погоде  
Бессменно они на постах.

Идем мы речушкою мелкой,  
Идем по раздолью лугов.  
Штыки, как секундные стрелки.  
Сто двадцать в минуту шагов.

Люблю этой поступи грохот  
И мерное эхо дорог:  
В них моря народного рокот,  
Страны дорогой говорок.

Товарищи! Голову выше!  
Кто в мире счастливее нас?  
Идем мы, знамена колыша,  
Любимцы трудящихся масс.

За родину нашу родную,  
За наш благородный народ  
Врага принимаем вплотную,  
И враг — от ворот поворот...

Пройдем мы сквозь гром и ненастье,  
Сквозь каждый окоп и редут —  
И с нами Свобода и Счастье,  
Как два знаменосца, идут.

1940

## ПЕСНЯ 72-й КУБАНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ДИВИЗИИ

Из-за лесу, лесу конница идет —  
Сам Василь Иваныч Книга нас ведет.  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Сам Василь Иваныч Книга нас ведет.



Комиссар под черной буркой в двух шагах.  
Первый полк выходит в синих башлыках.  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Первый полк выходит в синих башлыках.

То не маки зацвели по-над горой —  
Это в красных башлыках-то полк второй.  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Это в красных башлыках-то полк второй.

В башлыках голубо-серых третий полк.  
Все мы знаем перед родиной свой долг.  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Все мы знаем перед родиной свой долг.

Едем тихо — только кони горячи.  
Сабли в ножнах спят, как зимние ручьи.  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Сабли в ножнах спят, как зимние ручьи!

По недолго вам скучать, вольны коньки!  
Недолгонько вам дремать, стальные клинки!  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Недолгонько вам дремать, стальные клинки.

Как раскатится сигнальщика труба —  
Растуманится военная тропа!  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Растуманится военная тропа.

Тут уж конь мой, птица-птаха, залетай!  
Свежим ветром в косы гриву заплетай...  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Свежим ветром в косы гриву заплетай.

Чтобы враг уже по топоту подков  
Узнавал бы нас, кубанских казаков.  
(Ты, Кубань моя, родимая река!)  
Узнавал бы нас, кубанских казаков.

1942

*Действующая армия*

То костры иль выстрелы из ружей  
 Замигали меж далматских сосен?  
 Тучкой или дымом орудийным  
 Закурились Боснии вершины?  
 Грома ли привычные раскаты  
 Троекратным повторились эхом,  
 Или то пальбою зарычали  
 Черногорские черные горы?

Не костры, не гром и не туча —  
 Это вы, родные наши братья,  
 Славные юнаки-комитаджи!<sup>1</sup>  
 Это встали южные славяне —  
 Сербы, не знающие страха,  
 В деле боя искусные сербы,  
 Кабану пробивающие бабку,  
 Даже если кабан на утесе,  
 А утес чуть пониже орлицы;  
 Черногорцы с древесными руками,  
 Подымающие прямо пред собою  
 Коня за передние копыта;  
 Босняки, саженные люди,  
 Высочайшее в мире племя,  
 Человечки из тех, что в Цетинье  
 Циркового увидя великана,  
 Говорят, поныхивая трубкой:  
 «Ничего себе... Подходяще...  
 Этот будет Яну по брови».

Вы, родные, встали для боя!  
 Боевые, вы яростно восстали  
 За простые, всем понятные вещи:  
 За то, чтобы вашим королевством  
 Не барышничал кровавый Гитлер;  
 За то, чтобы ваша кукуруза  
 Не ссыпалась в фашистские карманы;  
 Чтоб лазурь над вашими горами  
 Не серела от пушечной селитры,  
 Не рыжела от ржавого пара

<sup>1</sup> Юнаки-комитаджи — богатыри-партизаны.

Заболоченных кровью пастбищ;  
Чтобы говор прадедов ваших,  
Как бирюк, в бору не хоронился,  
Да не гнали прикладами солдаты  
Задушевные ваши песни.

Уходите же в горные тропы,  
Занимайте черпые щели, —  
Так отцы и деды воевали,  
Славные юнаки-комитаджи!  
Пусть стреляет по врагу даже ветка!  
Пусть взрывается под ним каждый камень!  
Не сдавайтесь фашистам на милость —  
У фашистов милости не сыщешь...  
У фашистов тогда лишь милость,  
Как на виселице петлю им намылишь.

1941

*Действующая армия*

## РОССИИ

Хохочет, обезумев, конь!  
Фугасы хлынули косые...  
И снова по уши в огонь  
Вплываем мы с тобой, Россия.  
Опять судьба из боя в бой  
Дымком затянется, как тайна, —  
Но в час большого испытанья  
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»

Я твой. Я сын твоей любви,  
Детеныш русской «Марсельезы»!  
Твоя волна в моей крови,  
В моих костях — твое железо.  
Нервинкой каждою скорбя,  
Оглуший от бомбометанья,  
Люблю тебя! Люблю тебя  
До стога и до бормотанья.

Люблю, Россия, твой пейзаж —  
В голубизне степные вежи,  
Стамухи белых побережий,  
Оранжевый на синем пляж;

И стариковские дубы,  
И девичьи твои березки,  
Полей смиренные бороздки,  
Кавказ, подъятый на дыбы.

Люблю, Россия, птиц твоих:  
Грачей, разумных, как крестьяне;  
Под небом сокола стоянье  
В размахе крыльев боевых;  
И писк луны среди жнивья,  
В очарованьи лунной ночи,  
И на невероятной ноте  
Самоубийство соловья.

Люблю твое речное дно  
В ершах, и раках, и русалках;  
Моря, где в горизонтах валких,  
Едва меж волнами видно,  
Рыбачье судно ладит парус  
И прямо в небо из воды  
Дредноут в космах бороды  
Выносит театральный ярус.

Люблю хозяина лесов —  
Российского пушного зверя...  
Я в счастье как-то больше верю,  
Когда его заслышу зов!  
(Ей-богу, это без бравад —  
Ведь он, как зеркало, мне ясен:  
Я смолоду был тигроват,  
Под старость — медведеобразен.)

Ну, а красавицы твои?  
А женщины твои, Россия?  
Какая молния взрастила  
Казачью удаль их любви?  
О, их любовь — не полубыг.  
Всегда событие! Вечно мета!  
Клянусь вам — за одно за это  
Россию стоит полюбить!

Люблю до боли твой народ!  
Крестьянство с философской хваткой;  
Рабочих, у которых факты,  
Как сокола, глядят вперед.  
И жаждушую развернуться,  
Перебродившую в бою

Хмельную пену революций —  
Интеллигенцию твою.

Люблю великий русский стих,  
Еще не понятый, однако,  
И всех учителей своих  
От Пушкина до Пастернака.  
Для дураков они — руда,  
Но умных одаряют вдвое:  
Недаром «русское» всегда  
Звучало в них как «мировое»!

Люблю тебя, родимый край,  
За то, что, даже и упав ты  
Или пируя через край,  
Не притупишь исканья правды!  
За то, что ты — святая гать,  
Идущая через трясины;  
За то, что воспринять Россию —  
Не человечество ль принять?

Какие ж: трусы и вральи  
О нашей гибели судачат?  
Убить Россию — это значит  
Отнять надежду у Земли!  
Пускай рыданья и гроба  
Чернят простор моей отчизны —  
Бессмертно трепетанье жизни!  
Зовуща

русская  
труба!

1942

Действующая армия

## ВОЗЗВАНИЕ К АРМИЯМ ЮЖНОГО ПЛАЦДАРМА

Товарищи! Старые ветераны!  
Красногвардейцы 18-го года!  
Не вы ль проносили на ветер раны,  
Чтоб зализала их непогода?  
Герои Нарвы! Герои Пскова!  
Бившие немца и в хвост и в гриву!  
Орлы у гнездовой окопного обрыва —  
К вам мое слово.

Юноши, рвущиеся в бой до срока,  
С молодыми саблями, не видевшими дыма,  
С приказом военкома и письмом от любимой,  
Где черным по белому написано: «Мой сокол»;  
Молодость, вставшая по первому зову,  
Родине себя отдающая без всяких!  
Воины, недавно принявшие присягу, —  
К вам мое слово.

Была маяком для мира когда-то  
Великая Германия Гете и Гейне.  
Куда ж она сгинула? Где ж ее гений?  
Что с нею сделали фашистские солдаты?  
Сгорела ли? Вымерзла, как астероид?  
Некогда этим сейчас заниматься.  
В будущем когда-нибудь ученые вскроют  
Трагедию перерождения наций.

Пока же пред нами — Гитлер и клика.  
Огнем очертась, душонкой поджарой  
Жаждут они увидеть в пожаре  
Все, что бессмертно! Все, что велико!  
Чего им нужно? Землицы? Допустим.  
Сделаем вид, что верим. Землицы.  
К чему же тогда на культуру-то злиться?  
Топить монументы по синим устьям?

Зачем разорять бы музеи в Гродно?  
Рвать новгородские колокольни?  
Зачем же

по детворе

по школьной

Бить зажигательными по-ротпо?  
Зачем над актерами измываться?  
Не потому ль, что, хоть и не часто,  
Иные играли роль самозванца,  
Претендующего на царство?

Это ли армия XX века?  
Нет! Ни в какую землю не верю:  
Речь идет о восстании зверя  
Против владычества человека!  
Эта программа велит без прикрасы  
Уничтоженье ввести в обычай,  
Всех людей объявить добычей,  
Созданной для звериной расы.

Так будь же ты проклят, народ-убийца!  
Проклят во имя Земного Шара!  
Проклят за каждую вспышку пожара,  
За вылет каждой свинцовой крупыцы!  
Проклятье гнусным твоим победам,  
На фальши разыгранным, как на рояли!  
Твоим мудрецам и твоим поэтам  
За то, что сами тебя не прокляли!

Товарищи! Бойцы штыкового удара!  
Конники, овевные бранной славой!  
Танкисты, врывающиеся яро  
В самую гущу битвы кровавой!  
Номера, стоящие у шквала огневого!  
Осыпанные звездами ночные пилоты!  
Лихие моряки и морская пехота. —  
К вам мое слово!

Здесь, на плацдарме Южного фронта,  
Решается наша дальнейшая участь:  
Либо —

немецкое чудище, вспучась,  
На закавказские выйдет ворота,  
Либо —

с ненавистью  
бездонной,

Вылетя

в бой

по геройским лавам,

Мы это чудище обезглавим  
Шашкой Кубани! Саблею Дона!  
Проверьте ж свое боевое оружие!  
Душу в каждую пулю влейте!  
Всякую жалость — узлом, потуже:  
В битве не место лирической флейте.  
Трубы ревут, как сохатые звери...  
Трубы зовут... Загорается сердце...  
В б о й!

Пусть расплатятся изуверы  
Кровью за кровь и за смерть смертью!

1942

*Действующая армия*

Бисмарк, железный канцлер,  
 Немцам о час возгласил:  
 «Страшитесь мечом касаться  
 Страны невиданных сил!  
 У ней вся повадка другая...  
 Особая это страна:  
 Медленно запрягает,  
 По быстро ездит она».

Канцлер железный Бисмарк  
 По тем временам был прав.  
 Но родина троек быстрых  
 С тех пор изменила нрав.  
 Далеко Россия шагнула!  
 Здесь ленинский стиль — закон:  
 Летит еще пуля из дула,  
 А копь-то уже запряжено!

Недаром же Бисмарк, недаром  
 Боялся России в бою.  
 Но ранили подлым ударом  
 Страну боевую мою...  
 (Так, подбираясь снизу,  
 Дождавшись полночного сна,  
 Перегрызает крыса  
 Подбабники у слона.)

Ну, что же... Бахвальтесь покуда!  
 Бомбите спящих детей!  
 Бюстгальтеры и посуду  
 Мадонне шлите своей;  
 Ломитесь к морю на отдых —  
 Вам слово мое не впрок...  
 Но в дни испытаний народных  
 В поэте гремит пророк!  
 И я заявляю просто,  
 Прямым языком азов,  
 Что слышу Грядущего поступь,  
 Как бой городских часов.

Германия! Час расплаты  
 Отныне уже недалек.



Тебя уберег когда-то  
Твой «добрый немецкий бог»,  
Когда, поднеся полотенце,  
Ты пала пред русскими ниц,  
Но дурью царя-полунемца  
Прощен был твой «старый Фриц»<sup>1</sup>.  
Больше пощады не будет!  
Мы все — как ледовый сдвиг.  
Березка, и та не забудет  
Царапин от танков твоих.  
За каждой сожженной осинной,  
Скосив ледяные глаза,  
Рычит снеговая Россия,  
И жутки ее голоса.  
Поройся же в старых письмах  
И в памяти воскреси  
Слова, которые Бисмарк  
Говаривал о Руси...  
Не кони — а вихри сорвутся!  
Грозен

Советский

Союз:

Держава трех революций  
Давно не ямщицкая Русь.

*Сентябрь 1941*

*Действующая армия*

ПОЛКОВНИК СХИРУН

Россия в ручьях и рощах,  
Россия — в раздольях куги...  
Над нею бомбардировщик  
Арканом ведет круги.  
Над нею картавая сила —  
Германского кондора грай...  
Россия, моя Россия,  
Родной ты мой, милый край!

А кондор с крестами на крыльях  
Летит, выбирая цель.  
Постойте! Быть может, вы — лирик,  
Сидящий у бомб офицер?

<sup>1</sup> Так называемый «Фридрих Великий».

Ведь вы же не бомбами жили,  
Мечтая летать в небеса?  
И очень возможно, что Шиллер  
Кой-что и для вас написал?  
Щадите же вашу юность...  
Скажите себе: «Не смей!»  
Но нет:

вороненый «Юнкерс»  
Попрежнему каркает смерть,  
Попрежнему ломится в гости  
С грузным фугасным огнем...  
Что же до Шиллера — бросьте!  
Он даже не слышал о нем.  
Ему бы одно: добычи.  
Желательно — без тревог.  
Но тут, подобравшись по-птичьи,  
Уходит в зенит «ястребок».  
И входит в пенную тучу,  
Похожую на бурун,  
Отважный, спокойный, могучий  
Полковник — Степа Супрун.

Почуя крыла его росчерк,  
Узнав его голос густой,  
Тяжелый бомбардировщик  
Сливается с темнотой.  
Но тень его черная пала  
На белые облака:  
Он виден в луче опала  
Как антифашистский плакат.

И вот моторы пропели —  
Супрун залетает до звезд...  
И с воем его пропеллер  
Ударил во вражий хвост!  
Зашлись выхлопные, как горы...  
И, взрывом полнеба покрыв,  
Сверзается огненно-черный  
Могильный  
гриф.

Он грохнулся! Дым и струйки.  
Раскинулись крылья химер.  
И, так же раскинув руки,  
Лежит под крылом офицер.  
Россия моя, Россия!

Тебя ли захлещет аркан?  
Твои ли объять стихии  
Вот этим крылам и рукам?  
Твое ли свободное знамя  
Схоронят под Камень-Горюн,  
Когда ты богата сынами  
Такими, как наш Супрун!

1941

### КАПИТАН ЦУРЦУМИЯ

Цурцумия! Это имя  
Враги вспоминают, кляня!  
Оно произносится ими,  
Как имя Духа Огня!

Когда он летит на Плоешти,  
Когда он Констанцу громит —  
Оставьте, фашисты, надежды  
Унять его меткий термит.

Недаром ни грохот зениток,  
Ни пули наземных бойцов  
Не в силах сразить знаменитых  
Звенящих его басов.

Ударят — и ждут... Но, как прежде,  
Рокошущий голос гремит.  
Он вновь зажигает Плоешти  
И снова Констанцу громит.

И летчики, обезумя,  
Закинув оба крыла,  
Бросаются на Цурцумия,  
Как вороны на орла!

Погостом черных распятий!  
Летающей стаей гробов!  
Но к этой дуэльной расплате  
Цурцумия был готов.

Еще несвободный от грузов,  
Он сам налетает на них,

И летчики, в дым перетрусив,  
Уходят на всех выхлопных.  
И снова свобода дистанций  
Меж ним и объектом царит!  
Опять полыхает Констанца,  
И снова Плоешти горит.

1941

*Действующая армия*

**ПАМЯТИ ЛЕТЧИКА АЛЕКСАНДРОВА  
И СТРЕЛКА-РАДИСТА МУЗЫЧЕНКО**

Пусть знает вражеская рать:  
Мы очень любим жить!  
Но если надо умирать,  
Мы так умеем умирать,  
Как жизнью дорожить.

В бою над Энском вой и свист:  
Неся грома, как гнев,  
Сдувая ветром тучу ввысь,  
Наш летчик и стрелок-радиcт  
Бомбят в низинах нефть.

Но «Хейнкель-113» бьет!  
Гондола занялась.  
Пилот в вираж. Опять в полет.  
Машину выровнял пилот,  
Но левая зажглась.

И, видя гибель пред собой,  
Объятые огнем,  
Бойцы под высью голубой  
Решили так закончить бой,  
Чтоб помнили о нем.

Прощай, семья! Прощай, родни!  
Последний час...

И вот

Они ведут, крылом звеня,  
Машину, полную огня,  
На нефтяной завод.

Заданье выполнено. Взрыв!

За ним пожар и дым...  
Пусть их подбил крестатый гриф,  
Но если дух народа жив —  
Народ непобедим.

Так знай же, вражеская раты!  
Мы очень любим жить.  
Но если надо умирать,  
Мы так умеем умирать,  
Как жизнью дорожить!

1941

### В А С Т О Л Ь Н А Я

Выпьем, товарищи, дружно!  
(Кто не умеет — брось.)  
В нашей республике южной  
Наше вино родилось!

Прежде пивали мы в горе  
С черной судьбою вдвоем...  
Пусть же солнце и море  
Вспыхнут в сердце твоём!

Я становлюсь у порога:  
Эй, тамада, налей —  
Пью из этого рога  
За дорогих вождей!

Ты запрокинула чашу —  
Пена цветет на губах...  
Выпьем за партию нашу,  
Выкованную в боях!

Выпьем за всех невоспетых  
Тружеников и борцов!  
Выпьем за наших поэтов,  
Наших профессоров!

Выпьем за нежные губы,  
Что лишь у ней у одной...  
За барабаны и трубы  
Армии нашей родной!

К старым годам бесталанным  
Нам уж в полон не попасть —  
Выпьем за все, что дала нам  
Наша  
                    советская  
                                    власть!

1939

### КАЗАЧЬЯ ШУТОЧНАЯ

По-над Сунжею-водою,  
По-над Сунжею-водой  
Скачет, скачет казаченок,  
Казаченок молодой.

А навстречу, подбоченясь,  
Вдоль по Сунже по реке  
Лихо ехала казачка  
В темносинем башлыке.

Кони стали по дороге  
Бело-сер и серо-бел.  
Казаченок задичился,  
Казаченок оробел.

Задичился казаченок  
И глядит и не глядит...  
А казачка молодая,  
Замирая, говорит.

Говорит ему казачка  
Не на «вы» и не на «ты»!  
«Как у нас в колхозе гуси  
Лебединой высоты».

Разъярился казачина:  
«Мы-де сами не просты!  
Как у нас-де поросята  
Лебединой красоты!»

Засмеялася казачка...  
Заходили ковыли...  
По-над Сунжею-водою  
Кони рядышком пошли.

1937

## ПЕСНЯ

Я совью себе веноч,  
Где барвинок и вьюнок,  
Где и кашка,  
И ромашка,  
И зеленый ветерок.

Только что мне делать с цим,  
Синим, белым, голубым,  
Если мною,  
Молодою,  
Даже Митя не любим?

А за что любить его,  
Горечь сердца моего?  
За год, слышь-ка,  
Ни письмишка,  
Ни полстрочки, ничего!

Эх, пройдуся-ка я по хатам...  
Вьюн Ивану я отдам,  
Кашку Машке,  
А ромашки,  
Захотите — так и вам.

Но зеленый ветерок  
Надышу я между строк,  
Две помарки,  
Сбоку марки,  
Прямо к Мите на восток!

Почта въедет на крыльцо...  
Вскроет Митя письмецо,  
Скажет чинно:  
«У дивчины  
Тольки ветер налицо».

1942

ЖЕНЩИНАМ МИРА  
и еще одной женщине

Матери, сестры, невесты, жены!  
Ах, не ломайте в бессилии рук...  
Видите — мир встает обожженный,  
Еще шатаясь от мук.

У мира уже не глаза — воронки!  
Что за очки подобрать для них?  
Иллюзий нет! Снова холод звонкий,  
Над бедной планетой возник.

Опять утверждается галочий орден  
По упокою нашей души,  
И снова средневековым ордам  
Культура дана в барыши.

И вот уже молнии катастрофы  
Над участью нашею понеслись...  
Любимые ноты, любимые строфы  
Кружат, словно осенью лист.

Пейзаж увядает, не слыша поэта...  
Стихи гниют, как заморский лимон...  
И тают, последние тают приметы  
Когда-то великих имен.

Лишь вы, дорогие наши подруги,  
Высокую нежность свою сберегли.  
Так не ломайте в бессилии руки:  
Вы — завтрашний день Земли!

Нашите гектары, корчуйте мили,  
Чеканьте стандарты, растите сырец,  
Но главное — будьте такими, как были:  
Солнцем наших сердец.

Ведь если сквозь судьбы всех поколений  
Пройдя через пущу, болота и рвы,  
Что-либо создал человеческий гений,  
То это создание — вы!

Вы — глубочайшее преображение  
Наших полотен, поэм и сонат...  
Пусть обернется, рыча в сраженьи,  
Ликом зверя солдат!



Пусть он в железном своем отребьи  
Вместе с галстуком сбросил и грусть,  
Пусть он не помнит о синем небе,  
Забудет о книгах... Пусть!

Только бы облик в а ш не затмился,  
Только бы мы не утратили в а с...  
Мы все восстановим — и звуки и мысли,  
На ваше тепло отзовясь!

Мы снова спаяем разъятые звенья!  
И снова заметим лимон меж ветвей —  
Только б, родная, вдыхать вдохновеенье  
В одной улыбке твоей.

1941

*Действующая армия*

### О Л Ю Б В И

Если умру я, если исчезну —  
Ты не застонешь, не загрустишь...  
Я в твоей жизни, говоря честно,  
Меньше чем твой прирученный чиж.  
А я бы рыдал, словно осень в поле,  
Я бы стонал, как ветер в трубе...  
Я и сейчас бледнею от боли  
При мысли, что смерть придет и к тебе.

Бывает любовь — безысходная мука...  
Дым во льду — такая любовь.  
Бывает — голубка станет подружкой,  
Лишь приголубь ее голубок;  
Лишь подманить воркованием губы,  
Мехом дыханья окутать ее,  
Грянуть ей в сердце — прямо и грубо —  
Жаркое сердцебиенье свое!  
Но есть на свете такая дружба,  
Такое чувство есть на земле,  
Когда воркованье просто не нужно,  
Как рукопожатье в своей семье...  
Когда не нужны ни встречи, ни письма —  
Но вечно глаза твои видят глаза,  
Как если б среди тонких струн организма  
Новый какой-то нерв завелся.  
Тут незачем ни угнетать, ни пугаться,

Как это обычно бывает в любви —  
И ты живешь в обаянии богатства!  
Все Красное море в твоей крови!  
И знаешь: что б ни случилось с тобой,  
Какие ни прокляли б голоса —  
Тебя с искалеченною судьбою  
Те же теплые встретят глаза...  
Встретят без лир — или как там их? — лютея...  
Но всей глубиною своей чистоты!  
Не потому, что ты — абсолютен,  
А просто за то, что ты — это ты.

1939

★ ★ ★

Как охотник ловит серебристую,  
Выследив тропу ее к воде,  
Этой сероглазую да быстрою  
Бредя, как язычник о звезде, —

Так и я; чего-чего не делая,  
Мастеря капканы намертво,  
День за днем, неделя за неделю  
Рыщу в тропах сердца твоего.

Думаешь: вот-вот она объявится...  
Я ее навеки приручу!  
Где-нибудь должна же ты, красавица,  
Подойти к заветному ручью.

Вот она! Ее повадка гоночья!  
Господи... Уж только б не тово...  
Не вспугнуть бы глупого ясеночка  
Перебоем сердца моего.

1939

### О ДРУЖБЕ

Когда море отбегает в час отлива,  
Рыбы скачут, ничего не понимая...  
Дыбом встанет их цветное оперенье  
И от ужаса меняется окраска.  
А водою отражаемые звезды  
Не удержатся на вогнутых откатах  
И, ударившись о днище, — почернеют,  
В мертвых иглокожих превращаясь.

В этот час зелено-пегого отлива  
Я нашел

молодую  
нерпу<sup>1</sup>.

Попыталась уползти на ластах.  
Обернулась. Лает хриповато.  
Но глаза ее, по-детски золотые,  
Умоляюще глядят на великана.  
Я тихонечко протягиваю руку,  
Не спуская гипнотического взгляда.  
Нерпа стынет в неестественной позе.  
Но не выдержала. Укусила.

Высосав чернеющую ранку,  
Обмотав ее жгутом с узлами,  
Наступил я нерпе на лапу  
И по храпу ее ударил.  
Заметалась в стороны бедняжка...  
Фыркнула. Заныла. Зачихала.  
Я размеренным движеньем дровосека  
Пять минут ее по носу дубасил.  
Больше уж она не кусалась.  
Лишь глаза умоляюще глядели...  
Я унес ее домой — и нерпа  
Стала жить в эмалированной ванне.

Океанская вода ходила,  
Огни зажигая по эмали.  
А в голубизне ее горели  
Два шара электрической нерпы.

По утрам, мохнатой простынкой  
Обтерев серебристое тельце,  
Я носил ее туда и обратно  
Мимо почты, цырюльни и аптеки.

И, обняв меня ластом за шею,  
Положивши голову на ворот,  
Нерпа тихо дышала в ухо,  
Точно больной ребенок.

Так мы с ней замечательно дружили.  
Каждый день по Ленинской гуляли.

---

<sup>1</sup> Мелкая разновидность тюленя.

Но прошло уже семеро суток,  
А она  
                  ничего  
                                  не ела.

Я бросал ей живую рыбу,  
Радугой зажегшую ванну, —  
Рыба прыгала, играла, кувыркалась...  
Но недвижно шары горели.  
Тогда  
                  я понял,  
                                  что нерпа

Жить у меня не будет:  
Замечательные наши отношения  
На ее решимость не влияли.  
И тогда я взял ее из ванны  
И понес не на улицу, а к морю.  
На ветру моя нерпа встрепенулась  
И, как в первый день, укусила...  
Я швырнул ее с берега подальше.  
В глубину ушла моя подруга,  
И литое серебряное тело  
В темноте  
                                  блеснуло  
  торпедой.

Я стоял над широкой бухтой  
И, волнуясь, считал секунды...  
Далеко-далеко на солнце  
Вспыхнула. И обернулась.  
И исчезла. Больше не выйдет...  
Я ее никогда не увижу...  
И, поправив жалкую улыбку,  
Я ушел  
                                  решительным  
  шагом.

Нарикмахерская... Радио... Аптека...  
Все-таки она оглянулась...  
Может быть, увидела на мысе  
Черный силуэт человека?

Я мечтаю о дружбе изуверской,  
Потрясающей, точно клятва!  
Чтоб хотелось за друга сердце  
Разодрать пополам! На два!  
Но друзья изменяют раня,

Оглянувшись разок на прощанье...  
Но не сам ли, своею волей  
Отпускал я друзей на волю?  
По обычаю всех своенравных  
Я, любя, волочил их души:  
Ибо дружба не знает равных —  
Только разные силы дружат.  
Но идея дружбы проста ведь:  
Как служить своему призванью,  
Если мог я ей предоставить  
Взамен океана — ванну?

Уплывай же, веселая рыба,  
Из моих бесприютных комнат!  
Оглянулась —

и на том спасибо.

Оглянулась — стало быть, помнит.  
Но навек берегам не обрामить  
Эту беглую, смутную память:  
Снова море стихию разбудит,  
И она

меня

позабудет.

Но однажды вырвет со стаей  
Под огни пароходного носа.  
Обожжет ее боль золотая...  
О моей теплоте взгрустнется...  
Затоскует по моим песням,  
Задохнется от слез щемящих —  
Океан покажется тесным,  
И просторным — змалевый ящик.

1933

#### БАЛЛАДА О ТИГРЕ

Какая мощь в моей руке!  
Какое волшебство  
Вот в этих жилах, кулаке  
И теплоте его!  
Я никогда не знал о них  
До самой той зари,  
Когда в руке моей затих  
Хозяин Уссури.

За штабом N-ского полка,  
Где помещался тир,  
«Т о в а р я щ и! — гласил плакат. —  
В р а й о н е т и г р».  
А я из Дальнего как раз  
Шел

в тыл,  
Но на плакат внимания не обратил.

В те дни я сызнава, я вновь  
Все думал об одном:  
О слове душном и родном,  
Зовущемся «любовь».  
Я это слово не люблю,  
Как пьяница — вино,  
Затем, что слишком в жизнь мою  
Вторгается оно.  
(Пускай, падаете, я в этом дик —  
Я не отвечу вам...  
Я сам хозяйничать привык  
В душе своей, падаете.)  
Однако плачется москит...  
Что это — стон иль песнь?  
Москит, несущий меж раки  
Сонную болезнь.  
Однако сопка, чуть дыша,  
Свою пузырит грязь.  
Над ней дрожит ее душа,  
От газов разгорясь...  
Дымком вулканным тянет здесь  
От каждого листа —  
Ведь это самые что есть  
Тигриные места.

И вдруг я вижу: изо мха —  
В три линии усы...  
И вдруг я слышу сквозь меха  
Рычащие басы —  
И различаю: желт и бел,  
И два огня горят...  
Но странно... я не оробел —  
Напротив: рад!  
Не от катара я умру,  
Не от подагры — нет!  
Не дважды кончу я игру  
За парюю монет;

И не от ревности в Крыму,  
В Москве не от статей, —  
Я, как поэму, смерть приму  
Из тигровых когтей!  
А может быть — совсем не то,  
А может быть — затем,  
Что вера в счастье, как в лото,  
Сильнее всех поэм, —  
И все тигриное во мне  
Дохнуло в грудь мою!  
И тигр с тигром, как во сне,  
Переплелись в бою.

Какая мощь в моей руке!  
Какое волшебство  
Вот в этих жилах, кулаке  
И теплоте его!  
Я эту истину постиг  
На берегу зари,  
Когда схватился с тигром тигр  
У плеса Уссури.

Безумье боли, гром ядра,  
И дых, и два огня...  
И запах смертного одра  
Свалился на меня.  
И, обжигая, как литье,  
Зверь  
взял

верх!

Но — преимущество мое  
В том, что я — человек.  
Покуда в левое плечо  
Вгрызаются клыки,  
Покуда когти горячо  
Взрывают плавники,  
И тьма сознания моего  
Была совсем близка —  
Я стал почесывать его  
Над ухом... У виска.

Он изумился — и затих.  
За все свои года  
О битве лаской грубый тигр  
Не слышал никогда,

И даже более того:  
Какая, правда, весть  
О том, что где-то у него  
Такие нервы есть?

Еще его округлый клык  
Дробит мое плечо,  
И за раскатом рыка рык  
Вздымается еще,  
Но ярость шла по голосам  
Тленцой, а не огнем —  
И зверь прислушивался сам  
К тому, что было в нем.

Когда вечерняя звезда  
Померкнула ко дню,  
Его рыкание тогда  
Сошло на воркотню.  
Он дергал ухом... Каркал он...  
Он просто изнемог...  
Но растерзать меня сквозь сон  
Уже никак не мог.

Когда же вовсе рассвело  
И стали петь леса,  
И лунки белые свело  
На желтые глаза —  
Он, сединой поголубев,  
Откинулся вразвал  
И, словно стая голубей,  
Один заворковал.

Вот, собственно, и весь рассказ.  
В нем правды — ни на пядь.  
Но он задуман был для Вас:  
Я что?

хотел?

сказать?

Что если перед Вами я,  
О милая, в долгу,  
Что если с Вами, жизнь моя,  
Ужиться не могу  
И ты хватаешься, кляня,  
Рукой за рукоять —  
Попробуй

все-таки меня



За ухом...

почесать.

Какая мощь в твоей руке,  
Какое волшебство  
В перстах твоих, и кулачке,  
И теплоте его...  
Я никогда не знал о них  
И жил бы день за днем —  
Как вдруг схватился с тигром стих  
В сознании моем.

1940

### БАЛЛАДА О МАЛЬЧИКЕ

Кто мечтает о победе,  
Тот не думает о смерти.  
Билось пламя на повети,  
Тлели угольные жерди;  
Под огнем немецкой стали  
В страхе голуби летали —  
Пламя тени колыхало.  
Вся деревня полыхала.

А Сашутка был у деда  
В лесосеке дымовой.  
Рано утром непоседа  
Побежал к себе домой.  
Хорошо зарею в поле  
На дорожке у опушки:  
Здесь приволье и раздолье  
Самой маленькой пичужке!  
От кузнечика до телки  
Нива гомона полна...  
И звениг пушистой пчелки  
Басовитая струна.

Но чем ближе до деревни,  
Тем тревожней мальчик Саша:  
Отчего не кличут певни?  
Разве спит деревня наша?  
Видит: голуби витают.  
Он им крикнул: «Гули-гули!»  
Но не слышат... Улетают...  
Улетели... Потонули...

Вновь загадка: отгадай-ка —  
Дым клубится из-за вишни...  
Может, хлеб печет хозяйка?  
Что же запаха не слышно?  
Вот и сад. Колхозный выдел.  
Поворот.

И вдруг с пригорка  
Мальчик Саша все увидел!  
И заплакал... Горько-горько...

Милый клен, сырой и тонкий,  
Вывран с корнем, точно не был.  
Подошел к свей хатенке —  
От хатенки только пепел.  
А за тыном, что у хаты,  
Где вился горошек пестрый,  
Непробудным сном объаты,  
Спят отец, и мать, и сестры.  
Искаленные мукой,  
Изуродованы грубо  
Золотые эти руки...  
Дорогие эти губы...

Саша сразу стал мужчиной —  
Загорелась кровь бойца!  
Меж бровей его морщина,  
Как рубец на лбу отца.  
Слезы высохли мгновенно!  
(Слезы горю не помогут.)  
Вдруг он слышит шаг военный,  
Чью-то музыку и цокот:  
То на улице под маршем  
Перед пыльными полками  
Гарцовал немецкий маршал.  
С выпученными белками.

Этот рев горластой меди,  
Очи пакостные эти  
Душу мальчика объял  
Гневом ярим и святым!  
Он мечтал о генерале  
Всем тщедушием своим!  
Так мечтают о медведе  
Матерые зверобон...  
Саша смотрит в очи эти,  
Саша стал для них судьбою!

Саша гвоздь достал украдкой,  
Зарядил гвоздем рогатку,  
Натянул ее резины  
Прямо в брови образины —  
И пред серыми полками  
Вдруг поводья растерял  
Повалившийся под знами  
Знаменитый генерал.

В нашей ярости народной  
Даже гвоздик пригодится!  
Перестроили по-ротно  
Отделенья пехотинцы:  
Стало жутко им шагать  
Через иоле, через гать.  
Вся природа против них:  
Что ни яма, то тайник!  
Звон пчелиный у колхоза,  
Как жужжанье бомбовоза;  
Однорогие жуки —  
Как с дрекольем мужики...  
И трубою партизана  
Заорал петух на тыне,  
Проча армии незваной  
Гибель страшную отныне.

1941

*Действующая армия*

## БАЛЛАДА О ЛЕНИНИЗМЕ

В скверике на море,  
Там, где вокзал,  
Бронзой на мраморе  
Ленин стоял.  
Был он средь жителей  
Этих долин  
Самый общительный  
Гражданин:  
Вытянув правую  
Руку вперед,  
Вел он со славою  
Здесьшний народ;  
Даже неграмотных,  
Темных людей



Вот ему на плечи  
Брошен канат,  
Мыльные каплищи  
Петлю кропят...

«Пусть покачается  
На шесте.  
Пусть он отчаётся  
В красной звезде!  
Всплачется, взмолится  
Хоть на момент  
Здесь, у околицы,  
Где монумент,  
Так, чтобы жители,  
Ждущие тут,  
Поняли! Видели!  
Ауф!  
Гут!»

Белым, как облако,  
Стал политрук;  
Вид его облика  
Страшен.  
Но вдруг  
Он пред оравую  
Вражеских рот  
Вытянул правую  
Руку вперед —  
И, как явление,  
Бронзе вослед  
Вырос  
Ленина

Силуэт.  
Этим движением  
От плеча,  
Милым видением  
Ильича  
Смертник молоденький  
В этот миг  
Кровною родинкой  
К душам приник...

Будто о собственном  
Сыне, навзрыд,  
Бухтою об стену

Море гремит!  
Плачет, волнуется,  
Стонет народ —  
Площадь, улица,  
пляж,  
грот...

Мигом у цоколя  
Каски сверк!  
Вот его, сокола,  
Вздернули вверх!  
Вот уж у сонного  
Очи зашлись...  
Все же ладонь его  
Тянется ввысь —  
Бронзовой лепкою!  
Наздо зверью!  
Ясною, крепкою  
Верой в зарю!

Так над селением  
Взмыла рука  
Ставшего Лениным  
Политрука.

1942

Действующая армия

#### БАЛЛАДА О ТАНКЕ «КВ»

*Посвящается героическому экипажу танка «ТЗ»: тт. Тимофееву, Останину, Горбунову, Чернышову и Чиркову.*

По куполу танка ударил снаряд.  
Сквозь щель врывается дым и газ.  
Волосы у бойцов горят,  
От гари — слезы из глаз.  
А танк, развив наступательный пыл,  
В минное поле вступил.

И вот подымается дымный клуб...  
Танк оседает. Толчки коротки.  
Гребень трака зарылся вглубь,  
Кружили впустую катки —  
И танк, одною правой гребя,  
Вертелся вокруг себя.

А между тем наш удар отбит.  
Нехота опять залегла в траве.  
И вот начинается странный быт  
У танка марки «КВ»:  
Вдруг, оборвав огневой заслон,  
Мертвым прикинулся он.

Мины его обдавали днем,  
Прямой наводкой била картечь;  
Ночью бутылки метали по нем,  
Пытаясь его зажечь.  
Но он стоял среди вражьих троп  
Величественный, как гроб.

Когда-то была его страшная сталь  
Окрашена цехом под зелень и дым.  
Теперь же, купаясь в пулях, он стал  
Серебряно-седым.  
И по утрам исчезал, как во сне,  
Тая в голубизне.

И лишь орудийная маска его,  
Засалив свирепые скулы свои,  
Глядела, как негр — но не мертво,  
А предрекая бои!  
Так подымался в таинственный ранг  
Привидение-танк.

Но дни проходили. А танк был нем.  
Он стал, как этот пейзаж, знаком.  
К чему же тогда его жечь? Зачем?  
Не лучше ли взять целиком?  
Когда regimenty пройдут вперед,  
Сапер его отопрет.

И мертвый танк пощажен огнем:  
Много ль таких валяется глыб?  
А если кто и остался в нем,  
Конечно, давно погиб.  
И давши фото в газетке своей,  
Враги подписали: «Трофей!»

Однако в «трофее» кипела жизнь...  
Окопы наладили радиосвязь;  
Сипел микрофон: «Ребята, держись!»  
«Родимые, выручим вас!»

Для них лилось Эренбурга перо  
И сводки Ипформбюро.

В отеках... в одышке... плывя, как воск...  
До хрящика теснотой измят,  
Одною заботой советских войск  
Жил броневой каземат.  
Но дни эти были для всех пятерых  
Лучшими в жизни их!

Когда ты брошен самой судьбой  
Туда, где дымит боевая тропа,  
И вся страна следит за тобой  
И подвига ждет от тебя —  
Каких садов какой соловей  
Слаще муки твоей?

Был труден мужской железный уют.  
Но страх и грусть не проникнут к ним:  
По четным — они шопотком поют;  
Бреются по выходным;  
И каждую ночь, приоткрывши люк,  
Вдыхают весенний луг.

Прошло уже более двух недель.  
Весь день ребят клонило ко сну.  
Но чистят они орудийный тоннель  
И смазывают казну.  
И вдруг одна из германских колонн  
Вышла под их заслон.

Танк безжизнен. Вокруг — ни следа.  
Он мертв. Ползите! Ну-ну! Бодрей!  
Ведь вот в яйцевидных оплывах литья,  
Искрытым огнем батарей,  
Спокойно гниет дождевая вода...  
Шуры слетают сюда.

Итак, деревню взять на прицел!  
Баварский взвод, внимание... Так...  
И вдруг в тиши — услышал офицер,  
Как засмеялся танк,  
И чуть ли не маска, влитая в бронь,  
Тихо сказала: «Огонь!»

1942

*Действующая армия*



БОЙ В 30 СЕКУНД  
(Из блокнота летчика Чалого)

1

Когда ты говоришь о быстроте,  
Рассказывай замедленно, иначе  
Все очертанья растекутся в дым.

Летело их двенадцать. Я — один.  
Уйти? Пожалуй, поздно... Тут сраженья  
Решалось жюлькой быстротой решенья.  
И я рискнул. Случилось это утром  
На высоте 3,500.

2

Бой работает, как мысли!  
Это небо и биплан,  
Этот мир летящих миль —  
Все слилось в единый план.

Вьются свадьбы нумерных  
Сблизившихся в пары птиц...  
Ну-ка, сокол! Прямо в них  
По секущей напустись!  
Белой трассой бьют они —  
Только пули невпопад.  
Лишь огни, огни, огни,  
Как на солнце звездопад.

Я врываюсь головой  
Прямо в эти «Мессера»,  
Воздух нежно-голубой  
Красной трассой озаря.  
А вокруг меня они:  
Всё кресты, кресты, кресты...  
Только им с моей брони  
Даже лак не соскрести!  
Объгорил я врага:  
Как вести со мной войну?  
Чуть промаз — наверняка  
Угодят по своему.  
Как поветрие средь гор,  
Я стихийствую в бою —  
Бронебойными в упор  
Упоённо в брони бью!

Но сереет на земле —  
Ввысь туманы забрели!  
Растекаются во мгле  
И турели и рули...  
И ни зги средь бела дня —  
Только цифры едут вкось,  
Точно мир вокруг меня  
«Стодевятками»<sup>1</sup> оброс.

3

Тогда я от ведущего отбил  
Ведомого. Я звал его к дуэли  
В прогалину голубизны. И вот  
На встречных курсах две стальных  
машины,  
Как выюгами просвистанные льдины,  
Помчались друг на друга — блик о блик.  
Его пятьсот... Да и мои пятьсот...  
Но он не выдержал. Мы разминулись  
На волосок. И только близко, близко  
Туманная полоска промелькнула,  
Как берег на далеком горизонте.  
Он, видимо, был очень молод. Я  
Сужу об этом по тому, что «Мессер»  
Не догадался тут же подсосаться  
К теченью вихря за моим хвостом.  
Огромная ошибка!

У меня  
Секунды оказались выше!  
Миг —  
И я у хвостового оперенья.

Он хочет увернуться, оторваться,  
Стряхнуть с себя крылатую акулу,  
Плывущую в его струе.

Но я  
Уже припал к прицельному стеклу  
И в огневом с деленьями кольце,  
Который под крестом пересекали  
Две электрические паутинки,  
Увидел очертанья самолета.

Теперь вся анатомия его  
Была расчленена по цифрам. Бью!

---

<sup>1</sup> На «Мессершмиттах» написаны их номера: «109».



Заржавленной, как руда.  
Кто эти люди? Бойцы? Нисколько.  
Может быть, партизаны? Нет!  
Вот лежит лопухий Колька —  
Ему одиннадцать лет.  
Тут вся родня его, хутор «Веселый»,  
Весь «Самострой» — сто двадцать дворов.  
Милые... Страшные... Как новоселы,  
Их тела заселили ров.  
Ленят, сидят, вползают на бруствер...  
У каждого — жест. Удивительно свой!  
Зима в мертвецке заморозила чувство,  
С которым смерть принимал живой.  
И трупы бредят, грозят, ненавидят...  
Как митинг, шумит эта мертвая тишь!  
В каком бы их ни свалило виде —  
Глазами, оскалом, шеей, плечами  
Они пререкаются с палачами,  
Они восклицают: «Не победишь!»

Парень. Вернее — не парень, а лапти  
Да нижняя челюсть. Но зубы — во!  
Он ухмыляется: ладно — грабьте,  
Расстреливайте — ничего!  
Сами себя вызволяли из дыр ведь.  
Перенесем и вашу грозу.  
Все пропадай — но клыков не вырвать:  
Перегрызу!

Бабка... Эта погибла стоя.  
Встала из трупов — и так умерла.  
Лицо ее, славное и простое,  
Черная судорога свела.  
Но это не страх. Это — пламя проклятья!  
Ты видишь, как слово из горла торчит!  
Когда на ней ветер колышет платье,  
Кажется — миг... и она закричит!  
Когда же ночами и до рассвета  
Несутся крики... даже слова...  
Кто убедит меня в том, что это  
Сыч? Или сова?

Рядом истерзанная еврейка.  
Тут же детеныш. Совсем как во сне.  
С какой заботой детская шейка  
Повязана маминым серым кашне!  
О материнская древняя сила!  
Идя на расстрел! под пули идя!

За час! за полчаса до могилы  
Мать от простуды спасала дитя.  
Но даже и смерть для них не разлука!  
Не властны теперь над ними враги.  
И рыкая струйка из детского уха  
Стекает в горсть материнской руки.

Как больно об этом писать... Как жутко...:

Но надо. Надо! Пиши!

Фашизму теперь не отделаться шуткой —  
Ты вымерил подлость тевтонской души!  
Ты осознал во всей ее фальши  
«Сентиментальность» немецких грез —  
Так пусть же сквозь их голубые вальсы  
Торчит материнская эта горсть!  
Иди же! Клейми! Ты стоял над бойней!  
Ты за руки их поймал — уличи!  
Ты видишь, как пулею бронебойной  
Дробили нас палачи.

Так загреми же, как Дант, как Овидий!  
Пусть зарыдает природа сама —

Если

все это

сам ты

видел,

И не сошел с ума!

Но молча стою я над страшной могилой.

Что слова? Истлели слова.

Было время — писал я о милой,

О чмоканьи соловья...

Казалось бы, что в этой теме такого?

Правда? А между тем,

Попробуй найти настоящее слово

Даже для этих тем.

А тут? Да ведь тут же нервы, как луки!

Но строки... глуше вареных вязиг<sup>1</sup>.

Нет. Для этой чудовищной муки

Не создан еще язык.

Для этого нужно созвать бы вече

Из всех племен, от дrevкá до дrevкá,

И взять от к а ж д о г о все человечье,

Все оплаканное за века, —

И если бы к а ж д о е в этом хоре

<sup>1</sup> Вязига — струна, тянущаяся вдоль хребта у осетров и севрюг.

Давало по слову, близкому всем,  
То уж великое русское горе  
Могло бы добавить семь!  
Да нет такого еще языка.

Но верьте, трупы, в живых и здоровых!  
Пусть окровавленный ваш закат  
Не смог я оплакать в неслыханных строфах,  
Но есть у нас и такая речь,  
Которая всяких слов горячее:  
Картавая сыплет ее картечь!  
Гаркает ею гортань батареи!  
Вы слышите грохот на рубежах?  
За вас отомстят! Бледнеют громилы!  
Но некуда будет им убежать  
От вашей кровавой могилы.  
Ослабьте же мышцы. Прикройте веки.  
Травкою взойдите у этих высот.  
Кто вас увидел — отныне навеки  
Все ваши раны в душе унесет.

Ров... Поэмой ли скажешь о нем?  
7000 трупов... Евреи... Славяне...  
Да! Об этом нельзя словами:  
Огнем! Только огнем.

1942

Действующая армия

## МОСКВА В БОЮ

1

«Граждане! Воздушная тревога!»  
Радио,  
сирены  
и гудки...

Синей лампы бдительное око;  
Сны, как птичьи свисты, коротки.  
С верхотурья по перилам спешась,  
С этажей по лифтам — боже мой! —  
В допотопный быт бомбоубежищ  
Топотанье мистики самой.  
Но по тем же лестницам — с лопатой  
На посты у слуховых окон  
Жители Зарядья и Арбата,  
И в тылу идущие в огоны!

Здания, утратившие тени,  
Чтобы иод фугас не угодить;  
Здания, где бродят сновиденья,  
Некуда которым уходить;  
Грезят замалеванные зданья,  
Детской декорацией рябя...  
О Москва! Ты — солнце мирозданья!  
Кто ж задумал погасить тебя?

2

И вдруг, безмолвье возмутив,  
Из самой тучи вынесясь,  
Как бы без рельс локомотив  
«Хейнкель-111».  
Летит, летит... Как раз на нас...  
И с туч сдувает вычески  
Его металлов резонанс  
И ветер металлический.  
И вдруг исчез зловеющий шум!  
И — тишина...

Но гирею

Она тревожный давит ум:  
Он делится, пикируя!  
И вот огромная волна  
Пахнет дыханьем кратера —  
И на секунду ночь полна  
Пылания экватора...  
И сразу дым, разбухший в кровь,  
И солнце среди туч его!  
И тут-то дом,

жителейский кров,

Вздывается задумчиво.

А утром смотришь — будто зуб,  
Стена многоэтажная.  
Из-под нее везут, везут...  
«Посторонитесь, граждане!»  
Но граждане чего-то ждут,  
Зачем-то смотрят на стену;  
На ней еще застыл уют:  
Вок те обои — Настины;  
Вот это фото, что висит  
На уровне Везувия,  
По-моему, принадлежит  
Квартире Н. В. Зуева.

И в этом скарбе тыловом,  
Пронизывая дробью шум,  
Под стрехой дурень-телефон  
Орет «Алло» воробышам.  
(Должно быть, кто-нибудь из нас,  
Воскресный день планируя,  
Звонит друзьям, соединясь  
С исчезнувшей квартирою.)

3

Города, ставшего темной кометой;  
Теплого дома, разбитого в дым;  
Этого зарева, Настеньки этой  
Мы вам, проклятые, не простим.  
Дайте срок — ответим сторицей!  
Ну, а куда — с террас и крыши  
Ищи врага! Он здесь, над столицей —  
Гигантская

летучая

мышь.

Москва в бою! Не спи, часовые!  
Ниже окон самолетный рев...  
Но вылетают лучи боевые  
В небо стреляющих прожекторов.  
Скрещиваются, скользят под углами,  
Шарят и меряют! Их миллион!  
Вся геометрия вышла над нами,  
Решая задачу: мы или он?  
Гипотенузы, полуквадраты,  
Звезды и облачные меха  
Смешивались, уносились куда-то...  
И вдруг — в скрещении буквы «Х»  
Возник, заметался, рванул и мчится,  
Грохот и дым возбуждая окрест,  
Маленький, кристаллически-чистый,  
Вырезанный из льда — крест!  
Он весь вознесенье... Распятые... (Всего  
лишь!)  
Сплошная какая-то пасха... (Ей-ей!)  
Уходит, уходит...

Уйдет,

сволочь...

Прямо в небо! Без виражей!  
Но вся система синих конструкций,  
Сизых прямых, серебристых углов



Держала врага, не давая коснуться  
тьмы. Это был — улов!

Он вьется, ныряет — мы всюду! везде мы!  
И как бы ни прядал — умно и остро, —  
Все те же вокруг голубые системы,  
Все то же

соотношенье

сторон.

И летчику чудится, бредится — будто  
Весь мир куда-то плывет под уклон.

Машина сходит с ума. И тут-то

Врезается в землю углом!

Прощальный вспых. Последний чад

Со всех высот увидели.

Но снова преданно рычат

Звукоуловители —

И «Хейнкель 113-бис»,

Пришедший из Галиции,

Как нота гнусная, повис

Над красною столицею.

Он сбросил бомбу. Но в реке

Лишь вспененность и выплески.

Тогда он дюжину ракет

На парашютах выпустил.

Четыре лопнули. Но те

Горят.

И все увидели,

Как город вырос в темноте,

Похожий на Юпитера,

Где лики лун на небосклон

Восходят желтой серией...

Но город, город... Что же он

Своей громадой серою?

А город, как мощный линейный корабль,

Бортом поворачиваясь на звук,

Красные струны<sup>1</sup> свои направил

В ноту, которой и не назову, —

И соло дается морскому орудью...

«Целься!»

Грохнула высота...

И точно из Цельсия,

Вязкою ртутью

<sup>1</sup> Траассирующие пули.

Вытекла и заструилась звезда.  
Это и был «113-бис».  
И вдруг — музыкальной какой-то легендой —  
С крыш и соляриев кверху, ввысь  
Рванулись аплодисменты!  
Москва пролетариев, профессоров,  
Ночных кафе и шахматных клубов,  
С лопатами стоя на крышах домов,  
Приветствует выстрелов меткие клубы.  
И ей отвечает Москва батарей,  
Москва мастеров поднебесного боя...  
И все веселее, и все бодрей  
Восходят алое и голубое —  
И вот уже дикторы наперебой  
Звучат над домами, где ожили тени:  
«Угроза воздушного нападения  
Миновала. Отбой».

1941

Москва

---

## ЮМОР НА ФРОНТЕ

### БАЛЛАДА О ВОРОНЕ

Сидит ворон вороной  
Да ворчит,  
Воронихе стороной  
Говорит:  
«Век у этих у болот  
Вековал —  
Только этакое вот  
Не видал!  
Как, бывало, налетят  
На село —  
Тут бывало от солдат  
Веселó:  
Перво дело — ворота  
Сверху вниз!  
Хоронися, борода,  
Хоронись!  
Все засовушки клетей —  
Со петель...  
От гусей да от утей —  
Пух-метель...  
От ягнят, поросят —  
Только гул...  
Бабы воют, голосят:  
«Караул!»  
А уж выпито вина,  
А уж чар...  
Вот война так война!  
Кар-кар.

А теперь не пойму,  
Хоть убей —  
То ль я ворон, то ли, тьфу,  
Воробей?

Красна Армия берет  
Города,  
Но прикладами не бьет  
В ворота.  
Не примет на ходу  
Огород,  
Даже ягодки в саду  
Не сорвет!  
Сколько было, столь осталось  
Ягнят,  
Гуси-лебеди на яйцах сидят;  
А уж бабам нипочем  
Не взреветь:  
Вылезают с кумачом  
На поветь;  
Красавицы напярмик:  
Во полки —  
Навивают им на штык  
Васильки...  
Натянув сапоги  
На мозоль,  
Приглашают старики  
В антресоль:  
«Эй, кум-куманек,  
Заходи!  
Да беседу про советы  
Заводи...»  
На столе — ветчина,  
Самовар...  
Что такое за война?  
Кар-кар...»

Черен-ворон на дубу  
Говорит:  
«Ни-че-го я не пойму!»  
Говорит.

1940

## П Е С Е Н К А С П Р И П Е В О М

### 1

С воинственной гримаской  
Покинувши кровать,  
Авантюрист германский  
Задумал воевать.

Но, не давая веры  
Бойцам немецких сил,  
«Герой» себя без меры  
Чем можно окружил:

Строевики румынские,  
Лыжники финские,  
Конники мадьярские,  
Резервы болгарские  
Идут, как на параде,  
И спереди и сзади

Гох! —

2

Сперва пошло не худо.  
Рассоривши врагов,  
Шагает чудо-юдо,  
Не чужа берегов;  
Шагает, все развеяв,  
И правит торжество,  
И тысячи трофеев  
В охапке у него:

Перчатки датские,  
Ботинки словацкие,  
Кружева голландские,  
Вина итальянские,  
Баульчики да кладь,  
И спереди и сзади —

Жох!

3

Но, ах! — недолго счастье  
Баюкает людей.  
Все громче и все чаще  
Кричат ему: «Злодей!»  
Все глубже ненавидят,  
Все яростнее свист...  
И видит, ясно видит  
Финал авантюрист:

Затрещина русская,  
Пощечина французская,  
Плюха английская,  
Смазь бельгийская  
Сорвутся — Христа ради —  
И спереди и сзади...

Ох!!

1941

*Действующая армия*

Кто там лает над Дунаем?  
 Шавка с моською?  
 Ах, простите — понимаем:  
 Дело свойское.  
 Делят Хорти с Антонеской  
 Трансильванию  
 И честят друг друга резко,  
 Но по званию:

«Я всегда был нежной ланью...  
 Тем не менее  
 Нанесу вам правой дланью  
 Оскорбление!»

«Атанде! Хоть наша каста  
 Кротче аиста,  
 Но у нас рукоприкладство  
 Применяется!»

«А по физии да с треском  
 Не желательно?» —  
 Вопросыет Антонеско  
 Любознательно.

«Но-но-но... — диктует Хорти. —  
 Многоточие...  
 Я вам, так сказать, по морде!  
 Прим. и прочее».  
 Трубащи играют сборы  
 В целях взятия.  
 Вот цитирует заборы  
 Дипломатия!

Изощрается во брани  
 Все искуснее!  
 Так идет о Трапсильвании  
 Дискуссия!

1941

*Действующим армия*

## П А Р О Д Н И

### 1. Б А Л Л А Д А

Гитлер к Гиммлеру летит,  
Гитлер Гиммлеру кричит:  
«Гиммлер! Где б нам пообедать?  
Как бы нам о том проведать?»

Гиммлер Гитлеру в ответ:  
«Нам давно готов обед:  
В русском поле под ракитой  
Труп Германии убитой».

### 2. У Т О П Л Е Н Н И К

Прибежали в избу дети,  
Второпях зовут отца:  
«Фюрер! Фюрер! Вот в газете  
Русским жертвам нет конца».

«Врите, врите, бесенята! —  
Заворчал на них «отец». —  
Геббельс брешет, ну, а я-то  
Сам предчувствую конец».

### 3. С К А З К А О П О П Е Р И Б Б Е Н Т Р О П Е

Жил-был поп  
Голоконный лоб  
По имени Риббентроп.  
Пошел поп  
По гроб,  
Нас угробить чтоб.  
А гроб как хлоп —  
Да его же и сгреб!  
Так и сгинул поп:  
Не блоха, не клоп,  
А сам Риббентроп —  
Юдофоб!  
Руссофоб!!  
Англофоб!!!

Ну, и кол ему в зоб.

1941

*Действующая армия*

## Ю М О Р Е С К А

Б о л г а р с к и й   г е н е р а л

В роли друга войскового  
Расскажите мне толково:  
Как приходится сражаться  
Против русской стороны?

Р у м ы н с к и й   г е н е р а л

С русской армией сражаться,  
Словно с тигром целоваться:  
Наслажденья никакого,  
Страху ж — полные штаны.

### О   К А   Ч Е С Т В Е   П Р О Д У К Ц И И

*«Дорогая Анна! Ты пишешь, что послала мне в посылке письмо, сыр и табак, но я получила только письмо, а табак и сыр исчезли».*

*(Из письма немецкого ефрейтора Кирхе.)*

Говорит ефрейтор Кирхе:

«Что за фокус? Мы ж не в цирке!

Сыр послала мне Аннет,

А в посылке сыра нет».

Дорогой ефрейтор Кирхе:

В сыре делаются дырки —

Вам прислали лучший сыр,

Исключительно... из дыр.

### Г Е Р М А Н С К А Я   Р О М А Н Т И К А

Г е н е р а л

И шел чрез горящие станции  
По Африке, Греции, Франции —

И вот сквозь метели косые

Шагаю теперь по России.

Гох, фюрер!

С о л д а т

А я, извините, беспечно-с так

На собственных шел конечностях —

И вот среди нищих жалких

Шагаю на трех на палках.

Ох, фюрер...



## ГОРЬ ЧАРЛИ ЧАПЛИНА

То, что фюрер для красоты  
У меня украл усы —  
Наплевать! Пренебрегаю.  
Не вникаю. Допускаю.

Но уж плюйте иль не плюйте —  
Как мне быть с бедой иной:  
Ведь над ним смеются люди  
Более, чем надо мной!

## В БЕРЛИНСКОМ РЕСТОРАНЕ

«А это что за птичка? Не едал». —  
«Вполне обыкновенная мочалка:  
Ей повар вид цыпленочка придал,  
Чтобы подумали, что это галка».

1942

---

## МАЯКОВСКАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

### 1. ГИТЛЕР

«Гитлер»... Есть ли даже для пса  
Словцо похабнее по острастке?  
Случись на заборе его написать —  
Забор от стыда покроется краской.  
А впрочем — спокойней.

К чему яриться?  
Не станем оскорблять ни забора, ни арийца.  
Прежде всего —

(да не будет во гнев оно  
Внешне Гитлер не чудище стозевно.

Наоборот:

Лоб,

рот

И прочее разное —

В известной мере человекообразное.  
Но в этой «образности», что ни портрет —  
Ни-ка-кой человечности нет.

Глаза? Не отражается мир там.  
Не видят ни пены морской, ни зари...  
Это — стекляшки, налитые спиртом.  
Взболтнешь —

истерические пузыри.

Губы? Две под усами резины.  
В них не ищи очертанья скорбей —

Пасть

над миром

разиня,

Только и знают: «Бей!»

Что же касается внутренней сути,  
Тут уж, товарищи, не обессудьте:

Ниже  
всяких  
известных  
мер.

Например:  
У вождей мышление тайфунами брызжется.  
Рукописей — трюм!

Сочинений — шкаф!  
А у этого только одна и книжица:  
Сборник анекдотов: «Майн Кампф».

Для народных масс —  
вождей идеология  
Светоч эпох!

Нет ближе советчика!  
А у этого вся идеология убогая —  
Геморроидальная свечка.

С нею — свети не свети —  
Дальше з..... нет пути.

Теперь,  
когда в питомниках  
(а в цирках тем паче)

Собаки почти выговаривают «мама» —  
Гитлер пытается зло и упрямо  
Заставить  
человечество

лаять  
по-собачьи.

И вот забрехали по нотам и без  
Целые дивизии высшего чина,  
Вследствие чего и названы «СС»

(Орден  
«Суккиного  
Сына»).

Конечно, понять герр Гитлера можно:  
Он жаждет культуру увидеть омоложенной  
(Да и как

не любить  
благозвучного

«гав»

Тому, кто в юности был лягав?).  
Но тем, кто воспитан на Гёте и Бахе,  
Не по сердцу лозунг: «Назад к собаке!»

Однако фюреру стало казаться,  
Что, сцапав только один континент,

Великое

дело  
собакизации

Может

сойти  
на-нет.

И вот в припадке истерического транса

Начал выкрикивать гитлеров рот

Про некие «жизненные пространства»,

Без коих

Германия

умрет.

Бедные немцы... Их скромн ужин:

Шарик земной им на ужин нужен.

Подайте же бедненьким... Лондон! Москва!

Чорта с два!!!

Примечание

В этом портрете— фюрер с лица.

Но поверните фюрера с крупа —

И Гитлера нет. Есть усы молодца

На

образине

Круппа.

Лозунги о «жизненном пространстве» Германи

Становятся золотом в крупновском кармане.

## 2. ГЕРИНГ

Итак, вожака фашистского руки

Известны всей европейской округе.

Руки у фюрера не пустяк:

За милю

осязают,

где сантимет,

а где ерик.

Правая рука называется так:

«Геринг».

Чтоб сгладить зрелище этой руки,

На нее

натянута

из титулов

перчатка

(И млеют от пышных словес дураки,

Хоть все это явная опечатка):

«Обер-егермейстер всефашистского стяга»,  
«Авиоминистр», «Председатель рейхстага»,  
«Сверхповелитель германских рек»  
И прочее, и прочее, и прочее.

Словес не жалко — лей, водолей,  
Только б

народ  
обморочили!

Но правды не скроешь: обтерся лак —  
И лезет

сквозь шов  
звериная

лапа.

Зажала б такая Сахару в кулак,

Слезами б  
Сахара

закапала.

Но лапше этой вода не нужна!

Червонцы ей нужны! Чеки ей!

Она уж с когтями обнажена

Над Францией,  
Бельгией,  
Чехией.

Под лозунгом: «Все для тевтонской нации!»  
Грабит валюту и ассигнации.

Под медные  
марши  
Зуппе,

По локоть  
кровавая  
свой мех,

Из челюсти рвет золотые зубья;

Из горла —  
золотой смех.

Но, обдирая самое солнце  
Якобы

во имя  
пруссака  
или саксонца,

С самой

луны  
серебро  
скребя,

Не забывает лапа и себя:

Покуда содрогается фашизма лоно,  
Покуда фюрер играет ва-банк,  
На имя Геринга два миллиона  
Тихонько

заносит  
банк.

Примечание

Таков Геринг. Громоздкий. Бравый.  
Правая рука.

Но — хватит! Адье!  
Сколько угодно зовись ты «правой»,  
Винной окажешься на суде.

### 3. ГЕББЕЛЬС

Чтоб вытворять всевозможные трюки,  
Нужны, понятно, ловкие руки.  
У Гитлера правая — для атак.  
Но левая

лакейски извилиста,  
как стебель-с.

Левая рука называется так:  
«Геббельс».

В то время как правой девиз: «Грабь!»  
И шарит  
она

из Норвегии  
в Спарту —

Левая знает шулерский крап:  
Ее задача — передергивать карту.

Если, допустим, русский полк  
Разгрохал

какую-нибудь  
дивизию,

Левая новой колодою — шелк!

И хлоп оттуда передовицу  
О том, как кельнский старожил  
Один Тбилиси окружил.

Если, от гнева кусая усы,  
Прижмет

партизан  
генерала  
Листа —

С Геббельса так и летят тузы,  
Как осенью  
с дуба

листья:  
«Ура! За один переход часовой  
Прошли мы от Бардин до Чусовой».

Вот так и чешет язык-пила,  
Зубья ступив и без толку треплясь;  
Подаром

в народе  
поговорка  
пошла:

«Брешет, как Геббельс».

По радиоволнам несясь, как фурия,  
Во лжи,

да и просто от бреха  
сопя —

Левая ручка фюрера  
Не забывает и себя:

Покуда содрогается фашизма лоно,  
Покуда Гитлер играет ва-банк,  
На имя Геббельса

два миллиона  
Тихонько заносит банк.

### П р и м е ч а н и е

Таков Геббельс. Любитель блефа.  
Левая рука.

(Это чин небольшой).

Сколько угодно зовись ты «левой» —  
Крайне-правый ты гнусной душой.

1942

Действующая армия

---

## СОДЕРЖАНИЕ

|  |    |
|--|----|
| Сталин у микрофона . . . . .   | 3  |
| Памятка красноармейца . . . . .                                      | 4  |
| Тылы воюют . . . . .   | 4  |
| Песня о Чапаеве . . . . .  | 5  |
| Марш стрелковой дивизии . . . . .                                    | 7  |
| Песня 72-й Кубанской казачьей дивизии . . . . .                      | 7  |
| Южным славянам . . . . .   | 9  |
| России . . . . .   | 10 |
| Воззвание к армиям южного плацдарма . . . . .                        | 12 |
| Германии . . . . .   | 15 |
| Полковник Супрун . . . . .   | 16 |
| Капитан Цурцумия . . . . .   | 18 |
| Памяти летчика Александрова<br>и стрелка-радиста Музыченко . . . . . | 19 |
| Застольная . . . . .   | 20 |
| Казачья шуточная . . . . .   | 21 |
| Песня . . . . .  | 22 |
| Женщинам мира . . . . .  | 23 |
| О любви . . . . .  | 24 |
| Как охотник ловит серебристую... . . . .                             | 25 |
| О дружбе . . . . .   | 25 |
| Баллада о тигре . . . . .  | 28 |
| Баллада о мальчике . . . . .   | 32 |
| Баллада о ленинизме . . . . .  | 34 |
| Баллада о танке «КВ» . . . . .                                       | 37 |
| Бой в 30 секунд . . . . .  | 40 |
| Я это видел! . . . . .   | 42 |
| Москва в бою . . . . .   | 45 |
| Юмор на фронте . . . . .   | 50 |
| Маяковская галерея . . . . .   | 57 |



Редактор В. К а з и н

Подписано к печати 24 февраля 1943 г. А422

2 п. л. 3,4 у.-а. л.

Тираж 10000 экз. Заказ № 4502. Цена 2 р. 73 к.

• • •

---

1-я Образцовая типография Огива РСФСР треста  
«Полиграфнига». Москва, Валовая, 28.



2 р. 75 и.

17

123